18+

Андрей Миронов

ПОПЫТКА СВЕТА

Андрей Миронов

Попытка света

«Издательские решения»

Миронов А. О.

Попытка света / А. О. Миронов — «Издательские решения»,

В моём дебютном романе искалеченные судьбы из разных времён и миров сплелись в один непредсказуемый узел: подростки из уличной стаи со свалки, оперативник контрразведки с боевыми имплантами, монстры-людоеды из подвалов КГБ, сверхзвуковые стратосферные перехватчики, корпоративные игры и пси-вирус.Всё это сделает финал неожиданным, а после прочтения останется послевкусие размышлений.Будет нескучно!

© Миронов А. О.
© Издательские решения

Содержание

АКТ I. СКАЗКА 6
АКТ II. КРЫСИНЫЕ БЕГА 15
Глава 1. ДЕТОНАЦИЯ 15
Глава 2. ВЫБОР 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Попытка света

Андрей Олегович Миронов

© Андрей Олегович Миронов, 2026

ISBN 978-5-0071-7639-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АКТ I. СКАЗКА

Подмосковье. 2012 год

— Хромого не видел? — вопрос прилетел неожиданно, как пуля в череп моджахеда из рассказов старого, одноногого ветерана-афганца Пашки.

— А сам чё, чё ты сам? Нет, не видали. Предъявляешь? — протянул я.

За спиной поднялась вся стая. Я просто это знал, не требовалось оборачиваться, чтобы убедиться. Было видно, как Леший сразу сдулся. Значит, пришёл не для разборок или забить стрелу — с Хромым что-то реально случилось.

— Пацаны, погодите пока, — тихо бросил через плечо. — Леший, иди сюда к огню. Приглашаю, ты теперь гость мой. Побазарим.

Круг спин расступился, пуская мелкого парня, лет одиннадцати, к теплу огня, горящего в бочке на краю свалки, около мясокомбината — внутрь, в запах шашлыка и жареного на огне хлеба.

— Чё трясёсся? Здорово, Леший! — я сжал ледяную руку, которую била мелкая дрожь. — Пацаны, дайте фуфайку ему из-под жопы и стакан налейте, замёрз паря.

Леший махнул стакан, как воду, и был быстро укутан в фуфайку Нафталином, высоким жилистым парнем. Его родители угорели с кумовьями на их даче по пьяни, он пару месяцев бродяжничал, голодал, пока не прибился к стае.

— Нафаня, покормишь пацана? Только гляди, чтобы не сморило. Сечёшь, как колотит его? Видно, как с чем-то он плохим пересёкся.

Леший глотал горячие куски почти не жуя, заталкивая их в свой пищевод горбушкой хлеба. Его взгляд мутнел прямо на глазах от сытого тепла и безопасности стаи. Сон накатывал, даже перестал колотить озноб, и расслабленная челюсть начала отвисать вниз, чтобы резко клацнуть под гогот стаи.

— Саечка за испуг, — пробасил Нафталин, растягивая лицо улыбкой.

— Говори всё, что видел, — мне пришлось напомнить Лешему.

— Хромой, мой брат старший… Мы сами жили, без стаи, с Люськой ещё. Она случайно прибилась на вокзале. Её родители военные были, но потравились вместе со всей дивизией сивухой на празднике, батя — наглухо, мать, вроде, пока ещё овощ в госпитале…

— Всех пацанов мы знаем по городу, — прервал я, стая закивала головами, — базарь по делу!

— Седой, афиши по городу лепят, ты же сам видал? Приехала, типа, группа, ну в этот, в наш, в ДК Шахтёра. Всей группы: трое мужиков и две соски с ними, у них старшим — страшный такой бык, со шрамом во всю щёку и ухо. Он вдвоем с братом своим, может, близнецом? Такой же бычара, только шрам с другой стороны на роже, но такой же, как у первого — один в один.

— Базарь дальше, Леший, только не заливай лишнего, иначе Нафталин фофан тебе пробьёт. — Нафталин достал свои здоровые руки из карманов фуфайки и начал их рассматривать, улыбаясь чему-то своему. Леший продолжил, постоянно на него косясь.

— Они уволочь хотели Люську, Шрам её за волосы тащил в газель. Хромой увидел визги и суету, подхватил кирпич ему, чтоб в башню дать, но тот увернулся, и попало только по плечу. Шрам тут же выщелкнул палку железную, прямо с руки вылетела, а может, с рукава, и почти без замаха рубанул Хромого. Тот упал в крови, его тоже закинули в газель, как тряпку, он не шевелился, — нависла тишина, стал слышен треск дров, горящих в бочке.

— Дальше!

— Они все странно себя повели: мужики даже не глянули, что за кипеж, а девки их пялились на кровь без страха, лыбились только и гоготали. Сами двигались, как куклы, одетые странно в одних колготах, без юбок, за сиськи друг друга лапали. И всё молча, даже словом не перекинулись, только гоготали да повизгивали.

— Когда и где это было?

— Ну может, пару часов назад. Где ларьки круглосуточные — там.

— Куда поехали? В какую сторону? Что за газель была? Цвет? Номер? Запомнил? Их или наша с автобазы? Не спи, а подумай, повспоминай, прежде чем ответить!

— Суслик, ты бегом к Пашке. Скажи, Седой срочно зовёт, ещё скажи, что странные люди появились. Детей волокут за волосы и бьют железом. Плохо двигаются и всё делают молча, без базаров. Скажи, Седой думает, что, походу, придётся кровь им пролить, — я быстро выдал ему команды. Снова заговорил Леший. Уже подумавший и вспомнивший всё, что случилось.

— Газель наша, это точно, регион на номерах наш и мытая как у нас на автобазе, задние двери всегда с потёками. Белая была, у нас только такие, но тонирована вся наглухо. Ехали к выезду с города, в сторону базы, ну этой… Лесной, ну ты понял же меня, Седой? — я-то понял, но слово «сказка», походу, было Лешему не знакомо или уже забылось и вызвало трудности. Пацан не держал в памяти слов, смысл которых был ему непонятен, а в базарах оно ненужное было.

Леший радостно продолжил: — Лесная сказка! Вспомнил! Стали, значит, у ларьков они, чтоб закупиться, прямо на обочине, где поворот к вокзалу ещё.

Суслик давно исчез. Леший отвечал на вопросы, борясь, но опять проигрывая сну. Хоть и пучил глаза, продолжая опасливо коситься на Нафталина. Тот уже давно перестал улыбаться, пока он слушал, сам того не замечая, задумчиво поглаживал кулаки. Он уже успел снять с себя ушанку, чтобы напялить её на мелкого Лешего. Вынул из кармана и всучил ему брезентовые рукавички на меху, которые оказались пацану почти по локоть.

— Пашка пьяный был сильно, мне соседи пожаловались у подъезда, что стрелял опять. Но меня увидел и сразу встал, протез я надел ему, а костыли он не взял. В одних штанах вышел, умывался снегом по пояс. Так голый и пошёл в гараж, сказал только, что сейчас приедет. — Суслик уже прискакал обратно и отчитывался. У Пашки была кремовая копейка в гараже от деда, которую не успел пропить его отец — помер, отравившись, раньше. Пашка ездил на ней редко и всегда трезвый, но никого с собой не брал и не говорил никому куда ездит.

— Суслик, молодца. Теперь, братишка, дело поважнее и посложнее. Лети на автобазу, вот, убери пока в фуфайку пол-литра. Отдашь бутылку Степанычу, но перед этим он должен тебе чётко описать гастролёров, куда отвёз их и когда ему нужно их забирать. После того как он залпом выжрет сивуху с горла и поплывёт, спрашивай про Хромого с Люськой. Вот нож, будет молчать — подрежь ему жилы, но только на кистях, и не втыкай в человека нож, только режь и только по делу. Угрожать ножом не смей, если достал, то сразу режь, а не тряси перед харей. — Суслик резко сорвался, мелькнув в фарах подъезжающей копейки.

Хлопнула дверь, я встал и, прихватив сонного Лешего за шкирку, поволок его к Пашке. Задремавшему Лешему Нафталин натёр лицо снегом, а сам сразу вернулся к огню. Он уже успел прикипеть к мелкому и не хотел, чтобы тот опозорился, заснув при старших.

Леший на время перестал клевать носом и резво отвечал на вопросы Пашки. Его вопросы были как мои, под копирку, но про Шрама и поведение приезжих он спрашивал дольше, выуживая непонятные мне детали. Отвесив отеческого леща Лешему, он выдал ему сникерс и отправил к костру, велев не крысить, а поделить между всей братвой, после того как дождутся Суслика. Проводив мелкого парня взглядом, он сразу махнул мне, подзывая и ковыряясь ключом в замке багажника.

На дне лежала пара калашей, отражая свет лампочки багажника темным лаком деревянных прикладов, непонятно как попавший к Пашке штурмовой пулемёт печенег, несколько гра-

нат и снайперская винтовка, плётку Пашка уважительно держал в чехле. Макаров у меня был свой, который тут же отобрал Пашка и выдал нулёвый ТТ, уже расконсервированный от смазки, с плечевой кобурой и парой магазинов.

— Башкой сначала думай, потом доставай, а достал — сразу стреляй, — буркнул Пашка. Я кивнул, вспоминая своё наставление Суслику.

— Пашка, где ты нарыл печень?! Это же легенда.

— Не о том ты думаешь, Седой. Пока ждём Суслика, иди командуй. Вдвоём поедем, можем не вернуться, предупреди всех своих.

Страха не было, только чувство липкой грязи и желания убраться с хлоркой, драя всё, до тошноты от её вони, как заставляли когда-то в интернате.

— Весло, ты вставай, пока меня нет, за старшего. Мы с Пашкой до Сказки и обратно. Сейчас 11 вечера, если до 10 утра мы не приедем, сдавайте Лешего ментам без палева. Пусть с понтами пропоёт им про брата с Люськой, может, менты упрутся рогами и пророют приезжих. А вы держитесь тени, Лешего заберите после отделения и надо его в стаю, к Суслику и Нафталину на поруки, один пацан пропадёт. — Весло был самым невысоким и тихим в стае, но с огромными ладонями, крепкими, как вёсла. Он потерял пол-лица и глаз в морозы позапрошлой зимы, пока маялся на улице в одну харю.

Смотрю ему в его единственный глаз. Кивок, киваю в ответ и иду к машине, у которой уже Суслик что-то втирал Пашке. На рукаве его фуфайки были видны, в спешке затёртые снегом свежие пятна крови.

— Нож забирай себе. Это подарок от меня. Приглядывай за Лешим. Мы поехали, Пашка мне расскажет по дороге все новости, — Суслик важно пошел к костру с радостной улыбкой.

Синхронно клацнули хлопками двери, пару раз сипло крутанул стартер, и зазвенел жигулёвский выхлоп. Пашка воткнул передачу и, подвывая трансмиссией, мы рванули в сторону ларьков, на выезд из города.

Весь город был оклеен предвыборными плакатами. «2010 — Время выбирать. Проиграешь, если не голосуешь!». Пашку кривило с них в ухмылке. Не пойму, что его так морозит с выборов? Те же хари: вместо воровавшего два срока подряд Немчикова — такой же петрушка с его партии. Остальные — все те же самые лица: лысый коммунист и Борька с новым предвыборным лозунгом: «Я как Брежнев, и жить будем как при Брежневе», после его проигрыша в 2002 году, он совсем остался не у дел. Мне из всех кандидатов больше всего нравился резкий мужичок, постоянно наводящий суету и дебош в телевизоре, но его плакатов не вешали. А может быть, уже сорвали все.

Пашка молчал весь путь.

— Давай тормознём на пять минут у храма, не доезжая вокзала? Мне закинуть мясо и помолиться быстро? — Пашка посмотрел на меня внимательно и, соглашаясь, кивнул: он был коммунистом, некрещёным, а может, просто никогда не ходил в церковь.

Храм был закрыт. Я снял ушанку перед входом, перекрестился и отбил условным стуком в дверь сбоку от главных ворот храма. Через минуту дверь открыл отец Иоанн. Он молча перекрестил меня, ткнул пальцем в сторону церковной лавки, чтобы я бросил там клетчатую сумку с мясом для голодающих, и так же молча показал, чтобы я опустился на колени у алтаря.

Я опустил голову, и почти сразу тишину церкви резко прервал шорох стали клинка об воздух, который закончился ледяным касанием лба. Батюшка быстро молился о моем Благословении, слишком быстро и негромко, чтобы я успел разобрать, иногда прикасаясь ко мне тем же холодным клинком боевого ножа приличного размера, покрытого вязью серебряного узора из надписей и староверских рун. Мне оставалось только вслед за батюшкой креститься и повторять: «Аминь». Он поднял меня с колен, ещё раз перекрестил, положил руки на плечи и передал слова Благословения, расцеловал меня по обычаю, потом просто обнял, по-отечески.

— Александр, Господь будет хранить твое тело и тело твоего соратника Павла, души ваши остаются уязвимы перед тьмой. Я буду молиться, чтоб придалося им сил, — он сунул мне пару лимонок и нож, поскромнее, чем его, размером и количеством надписей.

— Спасибо, отец Иоанн, — я припал к его руке. Он положил вторую мне на затылок и прошептал: — С Богом!

Я вышел на мороз в полном ступоре от шока. Плюхнулся в машину и уставился в одну точку перед собой. Пашка смотрел на меня не сводя глаз.

— Вы там чё? Укурились ладаном своим? — я молча протянул ему подарки отца Иоанна. — Это от Вани? — я кивнул. Пашка сгреб лимонки и бросил в бардачок, нож повертел в руках, похмыкал и вернул.

— Не перо, а игрушка. Для тебя оружие, мне обычная железка. Что-то сказал Ваня или просто отдал тебе железки молча?

— Что наши тела защитит Господь, а чтобы не иссякла сила душевная, он будет за нас молиться до начала Утренней Службы.

— … б твою мать, прости Господи, — выдохнул Пашка, скинул шапку и вывалился из машины. Встав на колени в свете фар перед храмом, уверенно перекрестился и, поклонившись так, чтобы лоб упёрся в снег, о чём-то молился, иногда поднимая голову и крестясь. Я тоже на всякий случай скинул шапку и перекрестился. Пашка встал и пару минут смотрел в небо на купола и кресты над храмом, тихонько бормоча. Я смог разобрать только обрывки: … защити детей от этого мира…, … помилуй сан…, … твоим ассасином…. У меня во что-то связное это не складывалось. Как только он перекрестился в последний раз, на ветру чуть слышно, совсем тихо звякнул колокол.

* * *

Машина плавно тормознула в паре километров от съезда к коттеджу для отдыхающих на берегу озера и уверенно свернула прямо в сугроб, под которым неожиданно оказалась твердая бетонка. Метрах в ста от дороги Пашка заглушил двигатель, погасил весь свет, дёрнул капот и скинул клемму аккумулятора. Я запоминал все его движения.

— Дальше пешком. Ты прикроешь меня, — он протянул чехол с винтовкой и весло автомата. Подумал пару секунд, вспоминая что-то, и добавил пару перемотанных изолентой связок по два рожка, три увеличенных магазина к винтовке и сунул лимонку в мой карман. — Ещё раз, в рожках каждый третий трассер, для винтовки через один забит бронебойный. И не мороси не по делу. Я был всего на полтора года старше, чем ты сейчас, когда в Афган попал. Ты со мной уже стрелял, выходило нормально, входило тоже, когда мы у тебя на свалке гоняли дикую собачью стаю, сожравшую сторожиху комбината. Не только мне было ей закусывать, не вывез бы я в одну харю, — он гоготнул.

На себя он взвалил печенег, прихватил обе запасные ленты и все оставшиеся гранаты. Повертел в руках второй калаш и грустно бросил обратно в багажник. Вздохнув, пихнул мой ПМ в карман фуфайки, снятой с кого-то у костра. Я протянул ему запасной магазин к пистолету, он улыбнулся, во взгляде успело мазнуть теплом, и через мгновение оно навсегда пропало. Ключи от машины Пашка приникал под пнём метрах в сорока, машину закидал наломанным тут же лапником. Под ногами шуршал и искрился снег в лесу, пока мы тяжело шагали под полной луной, почти как среди белого дня.

Почти сразу стало слышно базу отдыха. Пистолетные и ружейные выстрелы под грохот музыки и радостный, но какой-то неестественный визг девок, как будто их прижигали хабариками: пока одна орала от боли, вторая радовалась за подругу, потом наоборот.

Подойдя вплотную к высокому забору, который резко оборвал лес, Пашка выудил из фуфайки полевой бинокль, повертел в руках, грустно вздохнул, уже который раз за вечер, и повесил его на сучок березки.

Гремящая в хрипе басов музыка рвала колонки и вызывала внутри бешенство. Визги и мат иногда прорывались сквозь грохот песни про хруст булок у французов. Я не знал этой песни, Пашка, видимо, тоже. Он показал жестом: «Пошли по-тихому за мной». Подойдя к воротам, он нацепил на них и калитку по растяжке, с хитрым расчётом: будет не важно, что именно откроют — рванут сразу обе.

Мы двинулись обратно, обходя Сказку вокруг, высматривая тропинки. Чтобы самим не оставлять следов на белом снегу, пришлось потихоньку идти по схваченной ночным морозом проталине у самого забора. Дойдя до калитки рядом с озером, Пашка оставил меня сторожить её с автоматом наперевес, а сам двинулся на разведку дальше. В этом грохоте я просидел на пеньке минут двадцать.

Пашка вернулся с такой же кривой ухмылкой, с которой ехал в машине, и зашептал мне прямо в ухо: — Смотри, Седой, сюда. — Он начал чиркать веткой по снегу, — вот забор, мы тут у калитки. Забор идёт до озера и заходит метров на двадцать в воду. Летом. Сечёшь? Забор тёмный, мы вдоль него пойдем и обойдём его по льду озера. Внутри базы так же будем двигаться — рядом с забором. Тут летняя кухня или сарай, хер разберёшь, ты в нём ляжешь с плёткой, оттуда весь двор как на ладони, на входе поставишь растяжку, чтобы тебя в зад не взяли, — гоготнул Пашка.

— А ты чё?

— В очё! Посмотрим, чё там творится во дворе, и разберёмся. Ещё вопросы?

— Дай ещё лимонку и лески чутка. Ну или ладно леску, могу же кружку взять, ты же сам сказал — там кухня.

— На, и то, и другое, всё лучшее детям, хватит базарить, пошли давай, только тихо, будем на месте разбираться, после того как осмотримся.

Пашка растворился в тени и бесшумно двигался вдоль забора. Я старался не отставать, держался за ним. Во дворе шума было ещё больше, луна светила, как прожектор, в окнах мерцали гирлянды, пахло растопленной баней с вязкой вонью ржавого железа. От этого запаха Пашка сразу начал белеть, пришлось тихонько толкнуть его в плечо, чтобы не тормозил и кивнуть в сторону сарая. Он сделал страшные глаза и показал жестами не смотреть на двор и двигаться к сараю, чтобы не встретиться ни с кем взглядом, а наши взгляды не смогли учуять.

Проскользнул за Пашкой за порог летней кухни и тихонько притворил за собой дверь. Начал осматриваться в помещении. Было грязно: какие-то тёмные потёки, грязные пятна и брызги. Почти по центру свисало какое-то тряпье до самого пола. Тошнотворно тянуло сладким металлическим запахом. Музыка во дворе резко стихла, через секунду заорав снова, уже другой песней.

За мгновение тишины я услышал треск эмали зубов Пашки от сдавленной с нечеловеческой силой челюсти.

Он рванулся к висящему тряпью, резко подхватывая и снимая с крюка. Сколько Люська провисела вниз головой с проткнутой крюком ступней, было не спросить — она была без сознания, но ещё живая.

Пашка молча колдовал с просроченной советской аптечкой, поочередно вкалывая ей разноцветные тюбики. Сосуды на его глазах лопнули, окрасив белки в бордовый цвет без белых пятен, а челюсть всё так же сдавливал спазм, скулы вздулись так, что казалось, мышцы под ними сейчас порвутся. Люська вздрогнула и открыла глаза, которые заполнил кошмаром. Не давая ей заорать, я закрыл её рот ладонью и зашептал в ухо:

— Я Седой, вожак стаи на свалке, помнишь меня? — дождался её кивка и появления сознания во взгляде. Пашка возился с печенегом, казалось, что он полностью потерял интерес ко всему происходящему. — Руку уберу — не будешь орать? Нет? Идти сможешь? Стреляла раньше? Да? С чего? — Люська показала на винтовку в чехле.

— Пашка, ты сечёшь, с чего этот воробей стрелял? — Ноль реакции.

— Где Хромой? — после моего вопроса опять ужас в глазах, тычет пальцем по сторонам. — Тебе всечь? Нормально скажешь?! — она рыдала в истерике, сама зажимая себе рот, плечи дрожали, как движок копейки.

— Это всё, что от него осталось, остальное они сожрали, прямо живьём, — её взгляд метался, тормозя на пятнах по всему помещению. Мой остановился на детских ботинках Хромого в углу, они у него всегда были разными и сейчас сиротливо стояли в тёмной луже.

Лязг затвора печенега был громче грохота басов.

Пашка закончил сшивать ленты друг с другом и выставил прицел на стрельбу с пятидесяти метров, считай, в упор. На губах выступила кровавая пена из прокушенных дёсен, его колотило, он встал и выбил дверь во двор культёй с протезом с такой силой, что она, сорванная с петель, улетела метров на десять. Сразу же ритмично застрекотал печенег, со звоном стекла и визгом. Пауза. Опять стрекот скупой очереди, музыкальный центр замолчал, разбрызгивая пластик. Дальше грохотал только пулемёт.

Под грохот пулемётных очередей, я сунул Люське чехол с СВД, лимонку и пустую кружку. Убедившись, что она отвлеклась от винтовки, показал рукой наверх, на лестницу чердака. Глаза её тут же зажглись, лицо растянулось оскалом хищной улыбки. Вздохнув, как Пашка, я протянул ей ТТ в кобуре и обоймы к нему.

— На время, чтоб вернула. И не высовывайся. Всекла? — шепнул ей.

Она покорно кивнула, продолжая светиться от счастья. Показалось, что её сердце, бьющееся в такт советской химии, не выдержит и разорвётся. Но она взяла себя в руки, тут же осмотрела ТТ, патрон в стволе и обойму, быстро щёлкая оружием. По спине побежали мурашки, ставя волосы на загривке, при взгляде, как девчонка по-звериному вспорхнула на лестницу, используя только одну ногу, и тут же уютно зашуршала чехлом винтовки на чердаке, подготавливая огневую точку.

Мне осталось весло армейского калаша, я выставил прицел на сто метров и перевёл предохранитель на стрельбу очередями, держа в голове краткие нажатия на курок, чтобы очереди были по три выстрела. «Каждый третий патрон в рожке — зажигательный трассер», — сказал Пашка, тогда он ещё мог разговаривать.

Печенег продолжал злобно стрекотать, а вот криков поубавилось. Щёлкнула плётка. Лай у ворот на въезде тут же замолк, без визга. Ещё два щелчка почти слились в один вместе со звоном стекла будки охранников. Девчонка лупила точно по теории: двойными выстрелами с прицелом в грудь мишени, второй выстрел должен был входить в голову при подкидывании ствола.

Я вывалился во двор, как учил Пашка, плавно семеня ногами, стараясь, чтобы обе ноги оставались на земле одновременно. Взгляд одним глазом всегда на прицел, второй — в расфокусе. Мелькнула быстрая тень справа, у крыльца бани, я тут же плюхнулся на одно колено, выплюнув в сторону движения три злые очереди. Щёлкнул дуплет плётки: один выстрел выбил щепки на крыльце, второй вызвал оглушающий, не звериный и точно не человеческий визг и рёв.

Застрекотал печенег длинной, истеричной очередью, как на испытаниях оружия на перегрев ствола до замены, выбивая щепки из сруба бани. Вой стал громче, к нему добавился второй. Я старался не дрожать и держал выход из бани в прицеле. Движение, быстрое до размытия силуэта, но медленнее пули, я видел, как что-то большое теряет скорость, ловя мои очереди конечностями, в которые я целился, стараясь притормозить зверя. По ушам ударил дуплет щелчков плётки. Каждая вторая пуля в обойме винтовки была бронебойной с вольфрамовым сердечником, забитая заботливым Пашкой. Такая вошла в голову зверя, оставив после касания красное облачко из пыли костей и того, что было под ними, над обезглавленным тёмно-бурым, лохматым телом, отдаленно напоминавшим медвежье, которое упало и по инерции скользило

по земле уже мёртвым ещё метров пять, прямо передо мной. Быстро меняю рожок и двигаюсь к бане — там внутри ещё что-то ворочалось и сопело.

Лимонку было жалко до слёз, когда рука закинула её внутрь. Ухнуло, внутри раздался жалобный визг раненого зверя, который замолк, только когда догорала подожжённая моими трассерами баня.

Гулко ухнули растяжки на воротах. Тут же залязгал печенег короткими очередями в другой стороне двора. Сухо щёлкнула пара дуплетов с чердака. Краем глаза я зацепил движение со стороны дома, успев всадить в его сторону только одну очередь, перед тем как меня подкинуло и швырнуло в забор, который был в 20 метрах за спиной. Не иначе как со страха я дал ещё одну очередь в полёте, зацепив лапу зверя, который замедлился, оступившись, чтобы тут же без визгов поймать дуплет из винтовки в мощный торс, из которого тяжелой бронебойной пулей оторвало лапу с длинными когтями. Следующий выстрел был один и точно в голову со шрамом.

Люська перезаряжалась, оставив следующий тяжелый выстрел в стволе.

Взгляд чудовища со шрамом потух. В доме раздался рёв ярости, который тут же облаял печенег, колотя по окнам и стенам сруба на звук. «Миномёт бы, — не к месту подумал я, — или огнемёт, Пашка же показывал». Тело болело, башка забилась вязкой ватой. Зрение возвращалось, стирая двойную картинку мира вокруг. Я аккуратно поднялся и потихоньку засеменил в сторону стоящего под навесом у ворот трактора с какой-то старой иномаркой, стараясь оставаться под присмотром Люськи на чердаке и не попасть под очередь пулемёта. Хорошо бы канистру бензина, дом поджечь, дальше пусть Люська садит. Главное — успеть, пока в ней ещё работает химия. Метрах в тридцати от ворот лежала ещё одна мертвая туша, шкуру было не видно из-за пулемётных ранений — видок как у отбивной на витрине универмага. При этой мысли в животе заурчало, сразу же начало потряхивать с голодухи. Недалеко от первой твари, у самых ворот, валялась поменьше, подорвавшаяся на растяжке и добитая с винтовки. Без головы. Значит, осталось минимум двое. Девка и второй шрам. Наступила тишина, потрескивал мороз.

Снег предательски скрипел под валенками.

Сначала вломился в будку охранников, тела на полу, ну хоть человеческие, одно без головы, второму — контрольный выстрел. На него тут же скупо отозвался короткой очередью пулемёт. Дубинки не нужны, пара макаровых — в фуфайку, охотничьи карабины в сейфе пусть лежат дальше. Запасной генератор и маленькая пятилитровая канистра. Радостно вылетаю из будки в сторону дома, сворачивая на ходу пробку и бросаю красный пластик на крыльцо. Слышно, как весело булькает бензин, разливаясь. Бегом обратно, в укрытие надёжного трактора, пару раз спокойно выдыхаю и начинаю давать короткие очереди по крыльцу до тех пор, пока оно не загудело в бензиновом огне. В доме раздался возмущенный визг и очень громкий рык из другой глотки, пулемёт пока молчал.

Дом разгорался, баня догорала.

В треске горящих брёвен стало слышно звон от разбитых стекол в окнах дома и хлопки лимонок, раз, два… на четвёртом раздался оглушающий ультразвук визга, рвущий перепонки. Я затейливо матерился про себя, крепко завязывая ушанку на подбородке. Помогло ненадолго, визг усилился, выбив стекла во всех окнах дома после знакомства с дуплетом плётки, которая до этого долго молчала. Загремел печенег, кроша стену сруба, красиво брызгающую щепками. Визг резко оборвался, Пашка даже не думал останавливаться, видя в прицел что-то за сектором моей и Люськиной стрельбы.

Кровля горящей бани рухнула, её сруб уже почти целиком выгорел.

Пришлось двигаться вдоль забора, оставив прикрытие ставшего родным синего трактора, выглядывая трассы печенега. На одном их конце должен быть Пашка, с другого — оставшаяся цель. Я вспомнил про нож, полученный в храме, из-за зазудевшей ноги и достал его из валенка.

Он странно вибрировал в руке, как будто пытался показать направление к цели, дрожь то становилась сильнее, то спадала. Может, это зависит от расстояния до цели?

Пулемёт замолчал после того, как начала заваливаться часть кровли, которую потащило за собой падение расстрелянного в салат простенка без окон. Нож завибрировал, отдаваясь под черепом громче визга, который пару минут назад оборвал Пашка. Не знаю, как меня дернуло, но я чётко понял, что от меня требуется прямо сейчас: размахнулся и метнул со всей силы нож в сторону раскрошенной стены. Одновременно с моим броском остатки сруба взорвались от чудовищного удара изнутри, разлетаясь длинными острыми щепками, выпуская монстра, вырывающегося с огромной скоростью, который с первым шагом за сруб поймал мой нож точно в глаз и уже мертвым начал валиться на Пашку, утыканного острыми щепками и уже не шевелящегося, с открытыми навсегда глазами.

Запоздало щёлкнула плётка: коронным двойным выстрелом, первая пуля срикошетила от рогов монстра, а вторая снесла половину черепа уже падающей туши.

Наступила тишина, даже не пели птицы, только слышно треск мороза и огня на деревянных постройках.

Пашка умер от разрыва сердца одновременно с щелчком пустой ленты пулемёта, я не понимал, откуда во мне это знание, но был в нём полностью уверен. Перегретый ствол печенега выгнула упавшая на него туша зверя.

Сел на корточки рядом и закрыл Пашке холодные веки, закрывая так и не побелевшие глаза.

Свистнул и махнул Люське. Пока я пару минут вытаскивал нож из головы монстра, она подошла и встала, смотря на Пашку, шмыгая носом и тихонько поскуливая, в руке дрожал ТТ. Мне пришлось набирать снег в руку и умывать её лицо, пока она не пришла в чувство.

— Запоминай, сука, слушай меня внимательно! — наконец-то взгляд сфокусировался на мне. — Люськи больше нет! Всё! Её сожрали с Хромым! Ты всекла или ещё будем умываться? — она перестала трястись, в глазах появилось понимание. — Теперь твое погоняло — Плётка, запомнила?

— Ты — Плётка!

— Теперь, Плётка, слушай меня. У нас полчаса на зачистку, всё живое под нож, выгребаем всё, что можно: деньги, оружие, цацки не хапай — палево! Сладкое мелким пацанам прихвати, если попадётся, может, компьютер какой. Сумку сама найдёшь, на тебе остатки дома, смотри не угори, я чищу хозблок и домик администрации. Потом слей бензин с тачки и трактора, нужно будет всё тут выжечь дотла. В летнюю кухню не входить. Нужно повторить? — Плётка мотнула головой.

— Всё, разбежались.

За двадцать минут я успел зачистить хныкающий персонал и директора базы, выбив из него код сейфа. Набил пакет пачками бледно-зеленых купюр, местами запачканных кровью, прихватил пару блокнотов в пластмассовой обложке, с яблоком на ней. Директор базы перед смертью клялся, что это компьютеры. Несколько раз со стороны дома деловито тявкал ТТ. Я уже смастерил волокуши из щепок от сруба и брезента, на которых разложил добытое из холодильников пищеблока: шоколад, спиртное и лимонады, диковинно щекочущие язык и очень сладкие, оружие, деньги и всё, на мой взгляд, ценное. Оставалось ещё минут пять, когда явилась Плётка с похожими на мои волокушами, но поменьше.

Она уже еле ходила.

Я щедро полил всё, что ещё не горело, бензином и кинул горящий коробок спичек. Плётку я закидал фуфайками на её мелких волокушах, перекинув с них всё добро на свои, подвязал их к большим и двинул к машине в лесу, пока не начался рассвет. За спиной весело щёлкали сучки горящих брёвен.

Москва. 2025 год

Вся эта ночь промелькнула у меня перед глазами за пару мгновений. Пришлось снова поднимать взгляд на софиты телестудии, в которой проходила пресс-конференция. Перед тем, как повернуться к ведущей, держащей микрофон Первого канала, пересёкся взглядом с Плёткой — серьёзная, в строгом брючном костюме тёмно-синего цвета и с наушником рации, она быстро подмигнула мне через строгие очки без диоптрий.

Я повернулся к ведущей, уже даже не пытаясь сдержать улыбку:

— Екатерина, прошу прощения, на секунду отвлёкся и прослушал ваш вопрос. Повторите его, пожалуйста.

— Александр Павлович, конечно, — она улыбалась в ответ. — На прошедших выборах ваша партия СТАЯ — Справедливость, Трудолюбие, Активность, Ясность — показала рекордный результат, получив абсолютное большинство мест в Государственной Думе за всю историю России. Что вас вдохновило и где вы черпали идеи при создании партии, её манифеста и программы?

— Екатерина, боюсь вас разочаровать банальным ответом. Основы всех идей, из которых потом собралась СТАЯ, пришли ко мне в храме. Во время проповедей и наставлений батюшки Иоанна. Поскольку ответ вышел таким коротким, я хотел бы, в оставшееся на эфир время объявить о масштабном строительстве по всей стране учреждений, в которые может прийти любой ребёнок, если он потерял близких или чувствует себя ненужным для них. Каждый получит защиту от холода, человеческое тепло, горячее питание, лечение и образование по любой специализации. Мы не будем никого держать там насильно, можно просто зайти в гости или посмотреть. Все те, кто сейчас на улице, постарайтесь услышать меня. Пришло время собрать все стаи в одну, которая называется СТАЯ.

— Александр Павлович, огромное спасибо за эксклюзивное интервью, на которое вы согласились сразу после подсчета голосов и объявления официальных результатов выборов в Государственную Думу. Я ещё раз поздравляю вашу партию с ошеломительными результатами! Уважаемые телезрители, с вами была Екатерина Андреева в специальном выпуске новостей, подготовленном для Первого канала. До новых встреч в эфире!

АКТ II. КРЫСИНЫЕ БЕГА

Глава 1. ДЕТОНАЦИЯ

Подмосковье. 2085 год

Лика пришла в себя от мелкой, тошнотворной вибрации кузова, дребезжащего дешёвым пластиковым салоном, почившим в грохоте сабвуфера, и густого запаха потных мужиков, от которого передёрнуло.

Руки за спиной были перетянуты пластиковыми строительными хомутами, резавшими запястья до их полного онемения. Она не чувствовала кистей и представила себе, как смешно смотрится её маникюр на посиневших и отёкших пальцах-сосисках. Вместо своих рук она чувствовала, как в ней поднимается волна ярости. Рот был намертво заклеен широким серым армированным скотчем, промокшим от слюны, которая капала с подбородка через его нижний край на вечернее платье. Руины дорогой, многочасовой укладки с одной стороны схватились фиксажем «лака» подсохшей крови. Одно ухо слышало только звон и чесалось от спёкшейся в нём крови, второе ухо разрывало голову волнами боли от грохота музыки.

Лежать на боку на заднем сиденье кроссовера, когда автомобиль несётся за пределом своих возможностей по заснеженной загородной трассе, и подлетать на каждом ухабе до потолка — злило Лику всё сильнее. На передних креслах сидели Даня и Симон с дикими, до сих пор кривыми от страха лицами. Из их ушей торчали глубоко забитые комки влажных салфеток. «Две конченые твари и идиоты, вам конец, обоим», — смаковала свои мысли Лика.

Даня до белизны костяшек сжимал руль, пальцы на ногах наверняка также побелели, продавливая пол педалью газа. Звенел зуммер непристёгнутых ремней. Симон на пассажирском кресле постоянно озирался на Лику, сидя вполоборота, сжимая в трясущейся руке тяжёлый гаечный ключ на тридцать два, держась за него, как за соломинку твёрдой реальности, пока он тонул, погружаясь в мир, ставший кошмаром. Левый глаз дёргался в тике, когда он судорожно оглядывался назад. В багажнике на полную мощность, разрывая ткань диффузора, захлёбывался хрипом сабвуфер, добивая остатки пластика салона низкочастотным гулом, от которого звенели и немели зубы.

Они искренне верили, что спасаются от зомби-апокалипсиса, пришельцев и гнева боссов. И всё дальше увозили свою жертву, которую сами до этого вырубили ключом.

Лика медленно, без единого лишнего движения, поджала колени к груди и, стараясь не елозить, снимала с ног туфли на шпильке. Ей не нужно было говорить или освобождать руки.

Все окна в задней части салона машины наглухо запотели от дыхания и пота двух впавших в панику мужиков. Лика протянула босую ногу и голым пальцем, торчащим из рваного чулка, упёрлась в запотевшее боковое стекло, аккуратно выведя всего два слова:

«ОСВОБОДИ МЕНЯ»

Сразу после она резким, коротким и выверенным движением ноги снизу вверх влупила пяткой прямо в нижнюю челюсть Симону, который в этот момент снова разворачивался к ней с ключом.

Удар пришёлся точно. Зубы Симона сомкнулись с сухим, мерзким клацаньем. Протяжно завывая от неожиданной боли в прокушенном языке, он ударился головой в боковое окно, гулко припечатываясь затылком о стекло. Автоматически, отряхиваясь от боли, Симон встретил распахнутыми глазами надпись на запотевшем стекле и прочёл, моментально потеряв свою волю. В это время Лика уже обхватила ногами шею Дани и, упираясь ступнями в потолок машины, душила его.

Даня даже не успел сообразить, что произошло, когда лицо Симона за одну секунду изменилось и полностью потеряло осознанность. Желваки заходили под кожей на его щеках крупными, выпирающими буграми. Истерика трясла Симона настолько сильно, что он отбросил свой спасительный якорь гаечного ключа и вцепился зубами в хомуты на запястьях Лики, судорожно вгрызаясь в жёсткий пластик. Его колотил ужас, казалось, что любое промедление гарантирует ему такую же судьбу, как та, что настигла их боссов на парковке.

Хомуты с треском лопнули. Лика сдёрнула скотч с лица вместе с макияжем, сочно сплюнула на приборку и Симона накопившуюся слюну. Даня наконец-то надавил на тормоз и закружил машину в бешеном вальсе заблокированных юзом колёс, пируэты которого прекратил отбойник съезда на заправку. Остановка машины инициировала взлёт и полёт троицы через лобовое стекло, прямо в мягкий сугроб, метрах в пятидесяти от машины.

— Я оглохла от вашей грохочущей говномузыки! Да чтоб взорвалось ваше обоссанное ведро! — заорала Лика одновременно со взрывом вседорожного недоразумения. Она наклонилась и начала оттирать кровь и остатки макияжа с лица ослепительно холодным и белым снегом.

Даня очнулся в хрусте осколков выбитой им лобовухи от жёстких пинков ногами, сменяющихся умыванием ледяным снегом. Симон стоял рядом на коленях, почему-то босым и не отрываясь смотрел на горящий автомобиль, полностью зачарованный этим зрелищем. От него сильно пахло кошмаром, который он только что пережил.

— Очнулся? — вопрос прилетел вместе с ударом в лицо ботинком Симона, надетым Ликой. — Иди отмывай своего товарища-идиота!

Было видно, что Лика кипит и ищет повод, чтобы взорваться и лить кровь. Любого, кто попадётся по пути.

Она вошла на заправку в полной тишине. Румяная с мороза, в рваном платье и мужских туфлях. Волосы с одной стороны болтались с кусками запёкшейся крови, с другой сохраняли остатки вечерней укладки. Грудь требовала постоянного контроля, пытаясь выпасть из тесного декольте, надорванного в полёте до сугроба. Даня и Симон наблюдали за происходящим через витрину, как за отрывком немого кино. Сцена: «Поезд прибывает на станцию». Заправочную. Войти в тепло было страшно — приближение могло вызвать очередную вспышку гнева, если лишний раз напомнить о себе ароматом Симона.

— Загуляла шальная императрица? — гоготнул вышедший из туалета грузный мужчина, сопровождая вопрос звонким шлепком по ягодице Лики и поправляя костюм по цене однушки в Одинцово.

— На колени! — визг Лики выбил окна витрин, рассекая шрапнелью осколков замёрзшие лица жмущихся друг к другу коллег на улице.

Все упали на пол, включая Симона и Даню. Воля была подавлена за мгновение. Только Лика осталась стоять, хищно рассматривая чёрный, как склеп, удлинённый Mercedes-Maybach, дерзко припаркованный у входа на пандусе для инвалидов.

— Отмой и переодень его, или будет босиком бежать за машиной, — бросила Лика, переступая раму витрины, шурша обёрткой шоколадки и помахивая прихваченной с полки водой.

Глава 2. ВЫБОР

Мужик, раздражая своим роскошным костюмом, гостеприимно вытянулся у раскрытой задней двери машины. Внутри романтично растеклось зрелище кремовой алькантары в акцентной подсветке деталей из натурального красного дерева. «Не иначе из кожи единорогов», — думала Лика, предполагая стоимость автомобиля. Даня с отмытым Симоном крались за ней, стараясь не скрипеть снегом.

— Усаживаемся, мальчики, засранца вперёд. Даня, ты со мной. Садись за шофёром, будешь за мной ухаживать по дороге, — Лика собрала и бросила все телефоны в одну кучу, обильно полила их жидкостью для розжига, за которой Симону пришлось бегать на заправку босиком. Лика чиркнула длинной спичкой для мангалов, бросила её в кучу, тут же закрываясь от разгоревшегося пламени тонировкой стеклопакетов тяжёлой двери, деликатно закрытой их шофёром, мгновенно занявшим своё место за рулём.

— Трогай, гони резво и с ветерком, — хохотала Лика.

Через пару десятков ударов сердца на месте только что покинутой заправки раскатисто жахнул распустившийся огненный цветок. Огромный столб пламени разогнал ночную тьму, но смог только слегка качнуть тяжёлый Майбах догнавшей их ударной волной. Лика даже не повернулась, занятая исследованием встроенного в подлокотник бара, повелительным жестом указывая Дане на виски, который он тут же налил ей в хрустальный стакан. Сняв пробу, она удовлетворённо кивнула: «Себе тоже плесни, и этим двум». Она неопределённо повела рукой в воздухе.

Майбах рассекал шоссе, как тяжёлый утюг, скорость не падала меньше двухсот километров, а попадавшиеся по пути автомобили шарахались на обочину в ослепительном дальнем свете. В салоне играла ненавязчивая музыка, под которую исчезала уже вторая бутылка элитного пойла. Даже слегка захмелевших при этом не наблюдалось.

— Шофёр, тормозни, — внезапно скомандовала Лика, отставляя бокал с виски. — Мне нужно пописать.

Мужик за рулём мгновенно ударил по тормозам. Тяжёлый «Майбах» не повёлся на насилие и, резко скидывая скорость, остался вальяжно плавным, аккуратно съезжая на заснеженную обочину в глухом лесу.

— Ты никуда не пойдёшь! — Даня судорожно пытался поймать Лику за руку.

Лика даже не взглянула на него. Она достала из-за резинки чулка плоский автоинъектор с цифровым таймером и наотмашь всадила иглу в шею Симону, сзади, сбоку от подголовника.

— Это миорелаксант, — спокойно произнесла Лика под щелчок сжатого газа. — Вызывает паралич дыхания через три минуты. Антидот один, — Лика положила второй шприц с бледно-голубой жидкостью на подлокотник заднего сиденья. — Контракт с новым вице-президентом компании только один, потому что должность тоже только одна. Им нужен только один живой претендент. Это условие заключения контракта с советом акционеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.